

русского войска и признание справедливости борьбы с «своями» выражены через описание божественной помощи «силам храбрых» России.⁴⁹ От этой «религиозной оболочки» лиризма свободна уже «Ода торжественная о сдаче города Гданска 1734 года» В. К. Тредиаковского, однако сходные с воинской повестью XII—XVII вв. приемы изображения шума битвы и особенно мужества русских воинов этой оды уступают в художественности отточенному воинскому стилю прошлого. Стоит лишь поставить рядом со строкой этой оды, описывающей воинский пыл русских, рвущихся в бой («лезут как плясать на браки»),⁵⁰ образ битвы — свадебного пира, издавна применявшийся в древнерусских описаниях сражений. Уже в русском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия воины изображены идущими на битву радостно «яко бы на свадьбу текоша, а не на рать». Слово о полку Игореве создало на основе этого символа целую картину поля битвы: «ту кровавого вина не доста: ту пир докончаша храбрии русичи — сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». Повести о разорении Рязани Батыем, о Куликовской битве, о взятии Казани — все применяли этот народно-поэтический символ битвы — свадебного пира, иногда просто пира, так неудачно использованный Тредиаковским. Лишь в творчестве Ломоносова героическая тема, такая популярная в древнерусской литературе и так ярко окрашенная здесь гражданственными настроениями, получает новое художественное выражение. «Ода на взятие Хотина» была старшим образцом этого жанра в применении его к «воинской» теме.

Гражданская лирика всех времен по самому содержанию представляет собой одну из форм художественной публицистики. Лирические отступления гражданского характера, даже еще не вылившиеся в особый жанр, были одним из проявлений открытой учительности, явно выраженных публицистических тенденций русской литературы XI—XVII вв., которые проיקали в самые разнообразные жанры. С особой силой гражданские настроения проявлялись в ведущих до XVI в. разновидностях исторического повествования. Несмотря на закономерную для средневековья религиозную оболочку некоторых лирических отступлений, все они, независимо от своего жанра, поучали, предостерегали, осуждали или звали к подражанию, будили патриотизм, то пробуждая гордость могуществом родины, то призывая к защите ее независимости.

Хотя лирические эпизоды гражданского характера широко представлены в древнерусской литературе, однако гражданской лирики как своеобразного литературного жанра в ней не выработалось. Однако если задаться вопросом, кто же «завещал» русской литературе XVIII в. лирическое выражение тем родины, стольного города как ее символа, прославления «великих дел» ее правителей и побед русского оружия, то ответ на этот вопрос даст русская литература уже с XI в. Не создав особого жанра стихотворной гражданской лирики, она накопила богатый опыт лирического выражения всех этих тем, которые станут в центре внимания «высокой» поэзии XVIII века.

Сама историческая действительность XI—XVII вв. часто звала к эмоционально-напряженному художественному воплощению этих тем, а не к спокойному эпическому рассказу о том, что потрясало временами всю страну, что возносило ее на вершины мировой славы или ставило на краю гибели, что звало к подвигу хотя бы и ценой жизни, что оставляло по себе

⁴⁹ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 209—214.

⁵⁰ Поэты XVIII века, стр. 183.